11.93

Панкова Т. П.

❋ *Татьяна Петровна Панкова: «Даже если бы я захотела кому-то подражать, это было бы делом бесполезным. Великим подражать невозможно». Как бессмысленно копировать ее самое, гордость Малого...*

● *Хлестова, «Горе от ума»*

МЕСТО НА ЭКВАТОРЕ

Наталия БАЛАШОВА

На сборе труппы Малого театра Виктор Иванович Коршунов, его директор, стал перечислять юбиляров нынешнего 238-го сезона. Их оказалось больше двадцати, тех, кто работает в театре от пятидесяти до двадцати пяти лет. Из «пятидесятников» первой стала народная артистка России Татьяна Петровна Панкова.

Смотришь на актрису, и не верится, что у этой статной, подтянутой женщины с сильным, низким голосом, быстрой, упругой походкой, широким жестом за плечами полвека сценической жизни, более восьмидесяти сыгранных ролей и неуемная жажда играть еще и еще. А она и так занята во всех самых значительных спектаклях театра: «Царе Федоре Иоанновиче», «Холопах», «Князе Серебряном», «Не было ни гроша, да вдруг алтын» — последней премьере Малого, в которой ролью Фетиньи Мироновны Т. Панкова и отметила 2-го ноября свой юбилей.

● *Василиса Волохова, «Царь Федор Иоаннович»*

● *Красавина, сваха, «Женитьба Бальзаминова»*

Мы знакомы очень давно, а вот «по душам» беседовать не приходилось, потому особенно приятно посидеть спокойно, никуда не торопясь, в тихой, строгой квартире актрисы, где все удобно, функционально, уютно, но без излишеств, дешевой красивости, погони за модой. Вспоминаем прежние годы, общих друзей, великих «стариков» Малого. У Татьяны Петровны богатейшая на события, на памятные встречи жизнь.

Наверное, все молоденькие девочки, мечтающие о театре, видят себя на сцене Офелиями, Джульеттами, Дездемонами. А ленинградская школьница Таня Панкова, пропадавшая на спектаклях Малого театра, когда он приезжал на гастроли в Ленинград, боялась даже думать о сцене «по причине своей внешности», как она сама, смеясь, говорит словами Епиходова из «Вишневого сада».

В семье Панковых актеров не было: мать — математик, отец — известный инженер-металлург. Но вот старший брат потянулся к театру, за ним — остальные. Дольше всех держалась Татьяна. Обладая недюжинными способностями к точным наукам, она еще школьницей выигрывала всякие математические олимпиады и родные прочили ей университетский физмат. Куда она и поступила по окончании десятилетки, однако вскоре перешла в Политехнический. И только положив на стол отца диплом инженера-металлурга, Таня решилась заговорить с родителями о поступлении в театральное училище. Куда идти — сомнений не было: только в Малый. Осенью 1939 года Татьяна Панкова стала студенткой Театрального училища имени М. С. Щепкина. Курс набирал Константин Александрович Зубов — блистательный актер, режиссер, педагог. А непосредственным учителем актерского мастерства стал для Тани Александр Павлович Грузинский, тоже великолепный актер Малого, «незабвенный», как всегда говорит о нем актриса.

В 41-ом грянула война. Эвакуация в Челябинск. Выпускалась Татьяна в 1943 году ролями Раневской в «Вишневом саде» и Кабанихи в «Грозе». За свою Кабаниху, строгую, суровую, но по-человечески простую и по-своему искреннюю, и была принята вчерашняя ученица в труппу Малого театра. И сразу же с фронтовой бригадой — на передовую.

Как вспоминает Татьяна Петровна, играли порой в семистах метрах от немцев, даже свет в землянках нельзя было зажигать. Когда образовался фронтовой филиал Малого, стали выезжать уже с целыми спектаклями, играли по нескольку представлений в день. Физически уставали безумно, но душевный подъем был колоссальным. На том и держались. А еще этот период для молодой актрисы был важен тем, что сразу, с ходу после училища достались ей настоящие, большие роли, а не «кушать подано», как бывало обычно с начинающими артистками. А уж коль скоро она так «раскочегарилась» на фронтовых спектаклях, то и в Малом сидеть без работы не могла. Если долго не давали ролей, сама готовила, подавала заявку, делала концертные номера. С тех времен и пошло: ни одного сезона не было у нее без премьеры, а то и двух. И не важно, что роли были самые разные — большие и маленькие, а то и вовсе эпизод.

Ведь работать-то над ролью все равно нужно одинаково, независимо от ее объема,— говорит актриса.— Если роль небольшая, на сцене времени меньше будешь,— только и всего. А мне доставались обычно такие «маленькие» роли, которые в Малом театре всегда считались «большими». Хлестова, например, в «Горе от ума». Это что: маленькая роль? Да она иной главной роли стоит! Или Пошлепкина в «Ревизоре», Фоминишна в «Свои люди сочтемся», та же Евсеевна в «Холопах». И не важно, что ставили меня во второй, а то и в третий состав. Ведь была я второй или третьей после наших великих старух: Массалитиновой, Рыжовой, Турчаниновой, Пашенной. Мой учитель Зубов сказал мне в свое время мудрейшие слова: «Татьяна, я могу дать вам любую роль в первом составе. Но, пройдя со мной школу, вы, идя за старухами, пройдете университет». С тех пор я его и прохожу, учась у каждого, кто бы он ни был, лишь бы было чему учиться.

Но именно учиться и никогда, упаси Боже, не подражать! Да если бы даже я захотела кому-то из них подражать, это было бы делом бесполезным. Великим подражать невозможно. На то они и великие. Вот Массалитинова, например. Какой потрясающей была она нянькой Демидьевной в «Нашествии» Леонова. У меня и сейчас звучат в ушах ее интонации, повторить которые невозможно. Была у ее Демидьевны там одна сцена с сыном Талановых, Федором, которого нянька вынянчила, а он, по слухам, продался немцам. Сидит Демидьевна, вяжет чулок, а Федор у нее что-то просит. Массалитинова вроде бы даже не слушает Федора, занятая вязаньем, а потом так спокойно поднимает глаза и, глядя в зал поверх очков, безынтонационно говорит, ни к кому не обращаясь: «И почему я тебя маленьким не удушила?» И в притихшем зале от этих слов становилось вдвое тише, и мороз пробирал по коже. Это было грандиозно. Великая актриса, можно сказать, — глыбище!

Одну за другой вспоминаем, перебираем с Татьяной Петровной золотые страницы Малого театра. С большой теплотой, с чувством глубокой благодарности вспоминает актриса Наталью Алексеевну Белевцеву, с которой дружила, которая завещала ей свою грим-уборную; снова и снова возвращается памятью к Вере Николаевне Пашенной, передавшей ей свою последнюю роль — Кабанихи.

— Все считали почему-то, что мы должны были соперничать,— говорит актриса,— а у нас были блестящие отношения.

— А с Еленой Николаевной Гоголевой? Ведь она была последний могикан из той плеяды?

— Да, последний. Гоголева — рыцарь сцены. Удивительный человек. Театр — такая область, которая не может жить без страданий. В нем есть все: и соперничество, и горечь, и обиды, и зависть. Гений, самый что ни на есть признанный, и тот может быть обижен в театре. А Елена Николаевна, как никто другой, умела откинуть все личное, все забыть, когда дело касается театра. Этому надо просто низко поклониться.

— Семьдесят пять, пятьдесят, сорок, тридцать лет работают люди в Малом. И не только актеры. В чем секрет такого постоянства при всеобщей миграции за длинным рублем вокруг?

— Много лет назад был у нас спектакль «Евгения Гранде». Я в нем играла служанку Нанетту. У скряги Гранде медленно угасала жена, и он спрашивал доктора, много ли потребуется лекарств на ее лечение, боясь, что за них придется дорого платить. А доктор отвечал: «Не много лекарств, а много забот».

Сейчас всем театрам трудно, такие наступили времена. Да и раньше случались очень тяжелые периоды, когда крупнейшие мастера за голову хватались: как театр из кризисного состояния вывести? У Малого есть планка, которую он удерживает, не взирая ни на какие бури вокруг. Потому что сам организм его очень сильный. А сила эта от его великих мастеров прежних лет. Я верю в то, что живет в его стенах великая энергетика их биополей. Она сохраняется здесь, создает свою ауру, помогает нам, нынешним.

Вот репетируешь в зале, и что-то не получается, чего-то не дотягиваешь. А вышел на сцену — будто сами подмостки тебе помогают, подсказывают, как и что говорить. Мне кажется, что наше руководство — и Юрий Мефодьевич Соломин, и Виктор Иванович Коршунов это тоже чувствуют, может быть, даже интуитивно. Недаром Коршунов так упорно боролся за то, чтобы не разрушали стены театра во время его недавнего затяжного ремонта. Малым театром всегда руководили люди, выросшие в нем, знающие его изнутри. Они и держат планку. На всех угодить, конечно, невозможно. Приходит, скажем, актриса с надеждой походить по сцене в кринолинах, а ей достается в лапоточках все время бегать. Случается, что и режиссер актера «не видит». Все бывает. Я-то в спектаклях играла. Меня часто критики спрашивают: что для вас главное в жизни? И я всегда отвечаю: найти свое место под солнцем. Да еще на самом экваторе. Обрести профессию, отдавшись которой, перестаешь понимать, за что же тебе деньги платят. Ты удовольствие получаешь от своей работы, а тебе еще за нее и деньги дают. Я нашла свое место, свою профессию. А Малый театр — конечно же, Экватор.

— Таня, ты с ученических лет играешь пожилые роли. Не обидно, что не довелось походить в молодых и красивых?

— Ну, почему — обидно? Во-первых, молодых я тоже в свое время поиграла, еще во фронтовом филиале. А потом ведь роль свою, какая бы она ни была, любить надо, найти в ней то, что важно сказать людям. И что тебе самой придает в жизни силы. В блокаду в Ленинграде у меня погибла вся семья: отец, мама, братья, сестры, няня, воспитавшая меня, дядья, тетки... Когда до меня дошли эти известия, не знала, что делать, как дальше жить. А тут Погодин принес в театр пьесу «Сотворение мира», в которой один из героев говорит, что после войны будет еще труднее, и кто не возьмет второе дыхание,— не выдержит. Я была занята в этой пьесе и обрела на ней свое второе дыхание. Она помогла мне выстоять. Поэтому, когда мне задают вопросы про любимые роли, я говорю: любимая та, что дает мне возможность высказаться, поделиться с людьми тем, чем я сейчас мучаюсь. И пусть не до всех дойдет моя боль, но если хоть кому-то от этого станет легче, если в чьей-то душе я затрону созвучные струны, значит, не напрасно прожила моя героиня свою жизнь на сцене...

Пора прощаться. В последний раз оглядываю книжные полки, от пола до потолка заполнившие даже стены прихожей, рояль, занимающий центральное место в гостиной. Татьяна Петровна перехватывает мой взгляд.

— Уже шесть лет, как нет Олега,— опережает она мой вопрос. (Олег Михайлович Агарков — дирижер, профессор Гнесинского института — был мужем Т. Панковой).— Мы прожили сорок пять лет вместе. И каждый день — счастливый. За этим роялем часто собирались друзья-музыканты, играли. Приходят и сейчас.

Выхожу из тепла и уюта этой не тронутой временем квартиры в беспорядочную суету захламленных, неубранных московских улиц. Господи, какое же счастье, что посреди нашего всеобщего бедлама сохраняются, не поддаваясь разрушительным ветрам, очаги подлинной интеллигентности и культуры, будь то целый театральный организм или всего лишь один частный дом, где духовность ставится выше практицизма, где постоянство составляет основу жизни.

● *Евсеевна, «Холопы»*

Фото И. Ефимова

Последнее время мы только и знаем, что говорим и ищем, с чего возрождать Россию. Да нет же, не потеряли мы ее, если 238-ой сезон собирает в своих стенах полный зрительный зал старейший Малый театр, если полвека выходят на его сцену такие актрисы, как Т. П. Панкова. В их руках спасительная нить Ариадны, которая обязательно выведет заблудших из самого запутанного лабиринта.

8/12